

Чехол для певчих птиц

Глава 11. У Красных ворот (Фрагмент)

Отгороженные закоулки когда-то удобных и просторных квартир никому уже не расскажут, какие холода, голода и разрухи, какие войны и победы они перенесли, сколько раз были перестроены и перелицованы, как меняли входы и выходы и почему повернулись жилыми окнами в глухую стенку, а уборными – на площадь, как перед приходом Ивана-царевича вертлявая избушка.

Наш Иван-царевич, однако, умеет делать из плохого хорошее. Не страшится он ни старости, ни ее болезней, не воротит по-нынешнему носа от тесного и душного пчелиного жилья. Смелый человек, провидец и утешитель. Имя у него мягкое, колокольное, а по фамилии никто его здесь не зовет. Дай тебе Господь долгих лет жизни и утolenия печали, свет Валентин Васильевич.

Счастливые, освобожденные от ночных кошмаров, собирались его пациенты раз в неделю на третьем этаже древнего дома у Красных Во-рот в двух, забытых старой мебелью комнатах с отдельным входом.

В этот вечер Валентин Козлов принимал следующую пару, которая вдвойне нарушала установленный порядок. Прежде всего это были муж и жена, что категорически запрещалось. Они имели право сюда попасть, но по отдельности и с интервалом в несколько месяцев. Второе нарушение состояло в том, что оба просочились вне очереди. Козел не стал их прогонять, потому что пользу они тоже должны были принести двойную. Он их знал.

В переднем закутке Валентин вел предварительную беседу с дамой, муж ждал в коридоре, а в большой комнате уже собралось человек десять, и шел обычный ровный разговор. Среди основных участников домашнего заседания, возраст которых уходил далеко за сорок лет, сновали несколько совсем юных лиц. И сколько бы они ни запускали смиренной тишины в свои голоса, сразу было видно, что настоящих прав у них нет, и оказались они здесь по-иному, хотя, может быть, и параллельному поводу. Общество относилось к ним покровительственно, называло уменьшительно ласкательными именами, они же вели себя услужливо, почтительно, всем своим поведением как бы беспрестанно благодаря собрание за возможность в нем участвовать. Перед Козлом они представляли пугливыми оленятами, готовыми умчаться при первом же недовольном шевелении бороды. И все же были они в этой заводи черт его знает каким элементом, значение которого было неясно и самому учителю. Учитель – так в конце концов настойчиво стали называть Валентина благодарные пчелы.

Теперь, пожалуй, самое время объяснить, в чем состояла эта побочная практика Козла, что так неудержимо манило к нему пчел, и главное – что влекло его к этому обложенному нынками, истаивающему племени.

Трудно сказать, когда началась эта опала, которой наградило их общество за честный труд и гражданскую лояльность. Это случилось не вдруг, не вследствие какой-то очередной кампании. Чувствовать на себе давление каждый из них начинал постепенно и в разные сроки. Сама мысль о том, что вполне здоровая, работающая и мирная в

государственном отношении прослойка может вдруг оказаться лишней и гонимой, была до того абсурдна, что сначала никто из них не придавал значения своим отдельным неприятностям.

Ну, подумаешь – уехали родители работать в другой город и оставили взрослого сына одного. Он учится, мальчик серьезный, не шалопай какой-нибудь. А когда надумали вернуться, оказалось, что жить в прежнем своем доме им нельзя. И сын рад, что они вернулись, и квартира не усохла за это время, а нельзя. Рванулись туда-сюда, по городскому начальству – им отвечают: все понимаем, помним вас очень хорошо, ничего сделать не можем, закон. – Да когда же он, этот закон возник? – Был всегда.

Вот тебе раз. Родители делают упор на жалость, на свои бывшие заслуги, чтобы вышло исключение. Мы, говорят, во время войны...

- Минуточку, - обрывает начальство.

И обнаруживается, что война, которую они имеют в виду, была не сорок лет назад, а все семьдесят, так что если они и успели к тому времени родиться, то уж никаких заслуг физически не могли приобрести.

- То есть?.. - опешивает супруг.

Вот то-то и оно, что «то есть». А больше сказать нечего, уста немеют, надо уходить. Могут иногда дверью хлопнуть (что им обязательно в строку поставят впоследствии). Вспомнят какого-нибудь доброго знакомого, который к тому времени стал влиятельным лицом, и – к нему.

- Старина, - говорят, - тут такое дело вышло... - и пересказывают ему этот чудной разговор, а сами уже на себя со стороны поглядывают и поеживаются. Старина выслушивает, качает головой, однако определять недоумение свое не спешит. Но они считают, что какой он ни добрый знакомый, а следует ему оказать уважение в связи с новой должностью, по плечу похлопывать избегают и поторапливать отказываются – думают, так лучше будет.

- Ну, а вы что? - спрашивает Старина.

- А что мы? Что тут можно сказать?

- Да, да... - промолвит Старина и задумается.

Такая беседа получается, тягучая, нехорошая. Допустим, супруг еще держится молодцом и может встрепенуться. Мол, откуда же у меня ордена и медали? Украл я их наверно?

Старина выходит из оцепенения и говорит:

- Медали... Да, тут надо разобраться, конечно.

А они и рады, что все наконец разрешилось.

- Вы награды оставьте. У вас все с собой? Оставьте здесь.

Да конечно, о чем разговор! И такая вдруг легкость снизойдет на просителей после того первого идиота, для которого и слов не нашлось, что дома – то есть, пока в гостях у сына – еще и отпразднуют этот день, как день победы.

В другой раз к приятелю своему они не попадут, а будут говорить с его референтом. Молодой человек им вежливо объяснит, что по медалям указ вышел – там кое-что поменяли в символике и названиях, так что награды будут пока находиться на комиссиях. Но, между прочим, он бы лично не советовал им особенно настаивать на этой главе в биографии. Войну-то мы ведь проиграли. Вообще, люди хотят от этого отдохнуть. А потом, когда в эти события углубляешься по чьей-то настоятельной инициативе, там такое можно найти почти за каждым... Откровенно говоря, это счастье, что пятьдесят лет

прошло, и три четверти документов утрачено. Известно ли им, например, что часть наград изготавливалась вражеским командованием?

Дальше выбор прост: или погубить остаток жизни, настаивая на том, что они считают достоверным – при этом так без настоящего жилья и кантоваться – или найти способ все это чохом обойти, обратиться к услугам делового человека и решить квартирный вопрос тихо, незаметно, по-людски. Такая возможность всегда есть. Но уж если через год-другой опять полезете с какими-нибудь своими правами и наткнетесь на то, что дедушка ваш был, по всей видимости, цыганского происхождения, так что находиться в числе первых дипломатов республики (а на этом строилось все благополучие двух следующих поколений в семье) никак не мог – не вздрагивайте и не косите, а признайтесь, что так оно и есть. И точка. И раздобудьте себе где-нибудь кольцо в ухо. Серебряное, если повезет.

Как я уже сказал, все проходили через такие аттестации не одновременно и с разной частотой, так что никакого более или менее связанного протеста не возникло. И длилось это до тех пор, пока все пчелы не начали узнавать друг друга на улице по первому взгляду, но уже ни обнаруживать этого, ни тем более делиться своими переживаниями не хотели, потому что у всех буквально имелись в секрете если не ушные кольца, то вражеские награды.

Приблизительно к этому времени относится и появление нарицательного имени, которое их всех объединило. Происхождение его, насколько мне известно, было служебным и в этимологическом смысле безответственным. На разных этапах своих первоначальных терзаний все они, независимо от возраста, социального положения, пола и иных индивидуальных различий приходили к одному и тому же вопросу: почему? Выскакивал он всегда внезапно, из каких-то темных глубин их существа и адресовался неизвестно точно кому, так что в произнесении его постоянно замечалась неуверенность, выраженная в запинке, краткой задержке в первом же слоге, а после ее преодоления – в сглатывании конца, который в общем-то был уже и не важен. И звучал этот вопрос куце, усеченно. Это было скорее какое-то вопросительное междометие: п-ч?..

Раздавалось оно столь часто, что стало общим признаком. Ну и какой-то канцелярский умник однажды схватил его, повертел, да и вытянул до «пчелы». А другой, когда его спросили – не так, как пчелы спрашивают, а полнозвучно, развернуто п о ч е м у «пчелы»? - не особенно задумываясь, съязвил: «Потому что не осы!».

Так оно и закрепилось. Дело в том, что и «осы», как наименование, тоже возникли в это время, и, может быть, не без связи с аллитеративным направлением умов. Тот, второй умник наверно имел в виду только отшутиться и не подозревал, что всем знакомое, не сходящее с уст словечко «освоение», означавшее новую эпоху в начальном образовании, тоже скучало в своей безличности, только и ожидая вцепиться в какой-нибудь людской контингент. И так как те, кто с дошкольных лет подпал под программу освоения, никак не могли оказаться в положении пчел, а эти, в свою очередь, были выключены из освоения просто по возрасту - оба имени как нельзя лучше соответствовали этому разделу и настолько упростили общественную ориентацию, что были вскоре повсеместно признаны и не нуждались в объяснениях более ни для кого.

Ничего особенного от пчел не требовали, давали работу, но со своими представлениями о развитии событий следовало покончить раз и навсегда. Как же это сделать? То есть, махнуть на них рукой, может, ничего не стоило, но сами представления обнаружили звериную какую-то живучесть, и в результате так все перемешалось и

перекрасилось в пчелиных головах, что возникло нечто вроде специфического заболевания, которое тоже предпочтительнее было скрывать, ибо сразу становилось ясно о какой внутренней лжи и общественной неискренности оно свидетельствует.

Вместе с заболеванием родилось и простое народное средство против него. Оно хоть и не добиралось до корней болезни, но облегчало ее ежедневное течение. Как-то вдруг пчелы открыли для себя, что гораздо легче и безопаснее не гадать каждый раз – попадешь или не попадешь в листа со своей памятью, а попросту не помнить. Обществом такой поворот был встречен с молчаливым, но энергичным одобрением. Иногда такое средство, если применять его систематически, позволяло и в самом деле кое-что забыть, тем более что пользы в этом забытом вовсе не оставалось. Обнаружились редкие умельцы, которым удалось истребить в себе даже самый непослушный рефлекс, заставлявший пчелу по-детски поджимать попку, услышав любой, задевающий прошлое вопрос. И все-таки общая эта хворь была тяжела, сопровождалась бессонницей, мучительными головными болями, приступами сковывающего страха, и пчелы привыкали к тому, что никакой иной судьбы у них уж и не будет, пока не родился и не взрастил свои недюжинные способности рядовой нынок, вагоновожатый и психиатр Валентин Козлов.

Он подкрадывался к пчелам осторожно, долго держал вокруг себя только пять человек, снимая им руками головные боли, пока они не влюбились в него без памяти. Разговор между делом велся самый ничтожный. Особым был тон, который всегда задавал сам Валентин. Слегка расслабляя внушением и массажем одного за другим, он заставлял их по очереди рассказывать о своей службе – в общих чертах. Остальным это было отчасти интересно, но главным образом все были зачарованы непрерывной работой Козла, так что эти краткие справки слушались вполуха и ничьего самолюбия не задевали. А говорить, между тем, было приятно: в доброжелательной тишине, под осторожное позвякивание старой посуды и при частом ободряющем гумканьи владельца рук, ласкавших ваш череп, слова рождались легко, плавно текли и как бы оставались витать в комнате, а не уносились злыми сквозняками прохудившейся истории.

Однажды, почувствовав себя в горячем фокусе устремленных на него чувств, Козел буквально в полчаса совершил переворот во всей пчелиной жизни. В тот раз они чуть не подрались между собой, прежде чем ему удалось их образумить и направить в нужную сторону. Валентин раздал всем пятерым заранее купленные тонкие ученические тетрадки, подарил по шариковой ручке и попросил, не сходя с места, написать полстранички о пятидесят третьем годе. В комнате загудело как под столбом высоковольтной линии (или, если хотите, как в потревоженном улье). Инстинкт самосохранения вел внезапную ожесточенную схватку с новообретенной надеждой. Будучи не в силах отказаться от любви к Козлу, они обратили свое раздражение друг на друга. Кто-то начал писать, склонив голову под топор, другие пробовали сначала подглядывать, один зажмурился и прыгнул с этой кручи ногами вперед, спросив у застолья вроде бы в шутку: так, стало быть, пятьдесят третий? Это значит – последний перед войной что ли?

Ему ответили резко, безо всякого желания поддержать вздорную болтовню: мол, дураков тут нет, и в пятьдесят третьем война уже семь лет как идет, и это как раз тот славный год перелома, когда мы одержали победу на Омской дуге.

Третье замечание вовсе поползло за рамки темы: если сударь мой говорит о событиях у города, ныне переименованного в Устюг-Подольский, то они действительно имели место, но город этот назывался ранее Волго-Дон Третий. А города Омского в

истории вообще не числится. А если сударь мой имеет в виду – Томский, то надо знать, что был такой польский архитектор, построивший в свое время в Риге церковь для филармонических концертов. И нельзя путать одно с другим, так как Рига – это Германия, и на ее территории никакого переломного момента в войне быть не могло. Там все катилось как под горку масла.

Следующее заявление касалось расфасовки масла и сахара, и далее уже невозможно было разобрать отдельных мыслей – поднялся крик, все повскакали с мест, и вполне могло бы дойти до драки, если бы Валентин не вышел, демонстративно хлопнув дверью. Все на секунду замерли, а в следующую секунду он вернулся и, как ни в чем ни бывало, пояснил, что кричать не надо, что никакая правда его не интересует, а вот все, что они изволили тут наметить, пусть изложат и обоснуют каждый по-своему. Через полчаса он собрал тетрадки и потребовал, чтобы на следующей неделе они принесли возможно более полное описание выпускных школьных вечеров.

После трех-четырех сочинений стало заметно, что у пчел разгладились морщины. Из любопытства, с которым они посматривали друг на друга, исчезла враждебность. Результатов их работы Козел не объявлял, и тем не менее, результаты были налицо – пчелы надломили в себе корку страха, и прошлое облегченно потекло непрерывной сукровицей.

Вскоре Валентин завершил прорыв, предложив отставить тетрадки и вслух обменяться мнениями об экуменизме. И обошлось. Беседа состояла из простодушных вопросов, вдумчивых ответов и вежливых поправок, прошла без повышения голоса, без взаимных обвинений и угроз. С тех пор они сбегались на эти семинары опрометью, полюбили друг друга нежно и бережно, а главное – до того успокоились и поздоровели, что начали постепенно принимать в свои ряды новичков.

Трудно описать, какого рода чувства испытывали пчелы к Учителю. Во-первых, он вернул им воспоминание о внутреннем покое, который они безнадежно растратили, будучи вынужденными обороняться и от сегодняшнего дня, и от вчерашнего одновременно. Во-вторых, они избавились от одиночества, образовав спаянную когорту, и готовы были даже сообща защищать нынешнее свое единство, таким образом, хоть и с опозданием, но отвечая коллективно и сословно на жесткую осиную действительность. Тут надо заметить, что вошедших в их семью молодых послушников больше всего привлекло, кажется, именно это, второе обстоятельство. И наконец, в-третьих, он, их обожаемый Учитель, такое с ними сотворивший, он ведь, как-никак, сам-то был именно осой! Об этом они никогда не говорили и даже думать не хотели, ибо в их теперешнем положении это никакой роли не играло. Но втайне они были глубоко обнадєжены этим фактом в предвидении будущего, которое теряло свои мрачные краски, благодаря беспорной святости одной из ос.

Они вели беседы и самозабвенно трудились, исписывая страницы за страницами, никто не пытался их поправить, никто не оскорблял недоверием, а вместе с тем они знали, что их хроники читают, и стало быть какая-то дань уважения к их прежней жизни имеет место и поныне. Это было блаженством.

Как-то один из самых давних членов семинара на правах ветерана умолил Валентина Васильича разрешить ему привести на очередное заседание своего юного болезненного соседа. Козел долго упрямылся, он не был заинтересован в том, чтобы осы принимали участие в его работе. Но ветеран умолял и клялся, что мальчик совсем не похож на нынешнюю молодежь – так он из чувства такта обошел упоминание об осах –

что он совершенно одинок и в свои двадцать лет не приобрел ни единого друга, что он безусловно погибнет в скором времени, так как уже несколько раз пытался навести справки о наркотиках. Валентин махнул рукой, и появился среди них Васенька.

Поверив подопечному, как водится, лишь наполовину, Валя ждал, что увидит обычную разболтавшуюся осу, и держал наготове пару сильных приемов, чтобы в случае чего мальчишку нейтрализовать и перевести в другую категорию своих пациентов – он ведь помогал и осам. Васенька оказался длинным, щуплым юношей, со взглядом скорее покорным, чем испуганным, что было вовсе не характерно для напряженной осы. Он просидел весь вечер вне стола, на жестком стуле у стены, между бюро и роялью, как ему было приказано, а при расходе метнулся к Козлу, прижался к его руке горячей щекой и вылетел вон не попрощавшись. Козел сдался окончательно.

В следующий раз Васенька, казалось, не испытывал никакого смущения за свой порыв, готовил чай, выносил пепельницы и был единодушно признан всеми, как именно Васенька. Его выходка конечно была слишком резка и неуместна и все же отлично выражала их собственные тайные чувства, которые они не могли позволить себе в такой романтической форме.

Теперь молодых насчитывалось около пяти, появилась уже и первая девушка. Если к ним обращались, они, тщательно взвешивая слова, могли даже вступить в беседу, но к письменному изложению взглядов допущены не были. Настоящего смысла в их присутствии Козел так и не находил.

- Можно? - спросила Маргоша, после собеседования с Козлом направленная им непосредственно к обществу, - Здравствуйте.

- Добрый вечер, голубушка, - поднялся ей навстречу седой, не совсем опрятный, но вызывающий доверие мужчина лет пятидесяти пяти, - Не обижайтесь, у нас тут все можно. Садитесь сюда, рядом со мной. Люсьен Герасимович, уступите даме? Игоречек, будь добр – чашечку. Как вас величать?

- Маргарита Ивановна.

- Очень приятно. Константин Павлович, ваш покорный слуга.

Все вокруг улыбались, кивали и одобрительно гудели. Маргоша, ободренная Козлом, держалась сносно, тоже кивала во все стороны и отвечала: спасибо. Перед ней появилась тонкая дорогая чашка. Сосед слева, спросив разрешения, налил ей чаю. Кто-то с места напротив пододвинул поближе прозрачную вазу с домашним печеньем. Беседа тем временем возобновилась. Рита помнила, что ей говорить не обязательно, впрочем, этого как будто и не ждали.

- Костя, я не рассказывал – я побывал в свое время в Тюмени. Может кто-то слышал, была тогда шумиха – новое месторождение нефти и так далее. Потом все это лопнуло. Правда лет пять качали исправно. Дело не в этом.

Сухой подвижный старичок с мохнатыми бровями говорил напористо, но самообладания не терял.

- Там ведь раньше были поселения декабристов. Декабристы – помните, кто такие?

- Да... конечно... дворяне... переселенцы... - ответили несколько голосов.

- Ну, приблизительно. Значит, они там селились, и до сих пор на местных кладбищах кресты стоят. То есть... я думаю, что до сих пор, - запнулся он на секунду и тут же продолжал, - Дед мой, бывший кравчий графа Льва Толстого... Кравчий – знаете, что такое?

В этот раз ответили менее стройно. Некоторые не знали.

- Была такая игра у господ, вроде нынешнего футбола, но с каждой стороны всего по четыре игрока: три кравчих, один ловчий.

- Ну, понятно... от слова «ловить»... разумеется...

- Значит, дед участвовал во всем этом движении и вместе сграфом был, как дворовый человек, сослан. Господа ехали вольно, а крепостные подлежали суду и конвою. Толстой, как известно, с полдороги бежал и кончил свои дни где-то на краю света, на Аляске что ли. А дед, как злостный декабрист, наверняка был доведен до места и там уже помер вскорости, потому что никаких вестей о нем оттуда не дошло. Вот я и думаю, не среди тех ли тюменских крестов его могилка? Я тогда олух был молодой, не интересовался такими вещами. Но теперь Тюмени этой и в помине нет – это же все мыльный пузырь оказался. Так как нынче это место называется? Или как хоть добраться туда, где это вообще по карте? Никто не помнит?

Все опять улыбались и задумчиво кивали, как бы поощряя интерес шустрого старичка. Кто-то усмехнулся в голос, за ним другой. Правый сосед Маргоши, бывший здесь, видимо, кем-то вроде старосты, ответил наконец:

- Ну что нам с ним делать? Просто Спартак какой-то. Завидую я тебе, Иван, что ты столько знаешь о своей семье. Мне вот не довелось. Я надеюсь, вы не заподозрите меня в глупости какой-то? Но вот, так как-то сложилось, что ни о деде, ни о бабке своей ничего толком не знаю. А уж наверно тоже не мимо истории ходили.

Маргошу рассказ заинтересовал, а где-то на краю сознания продолжал мигать слабый сигнал, включившийся при слове «Тюмень». Она хорошо помнила, что слово это часто фигурировало в деловых разговорах мужа. Там была какая-то крупная организация, постоянный заказчик, которому завод отгружал свою продукцию прямо эшелонами. Да буквально третьего дня шла речь, что какой-то там калибр недоотправили, и в Тюмени рвут и мечут.

Говорить ей не то чтобы запретили, а не рекомендовали на первых порах. Но если она могла помочь старичку, который так очевидно ошибался, следовало ли промолчать?

- Вы меня извините, - сказала она негромко.

- Да, да, конечно, - спохватился староста. Все притихли.

- Мой муж работает на трубопрокатном заводе.

- Что вы говорите!.. Потрясающе!.. Такого мы, кажется, и не слышали еще...

Маргоша немного растерялась, но продолжала:

- Они все время туда продукцию отправляют – в Тюмень, я имею в виду. Может быть я что-то спутала, но что есть такое место – Тюмень, и что туда постоянно гонят трубы и трубы, это точно.

На нее смотрели во все глаза, будто все еще ждали, что же именно она имеет сказать. А она вроде уже и сказала, что хотела, и непонятно было, чего же еще они от нее ждут.

- Интересно, - проговорила сидящая напротив красивая черноволосая женщина, не сводя с Маргоши шального взгляда, - Как это, в сущности, похоже на них! Вгонять миллионы в пустое место... Дети! Вы меня не слышали, - обернулась она вдруг к молодежи. Те показали, что – да, не слышали.

Старичок Иван Ильич подошел к красавице и, легонько тиская ее плечи, сказал:

- Женечка, Женечка, мы разделяем твои взгляды, но не будем сегодня развивать эту тему, а то сразу перегрузим Маргариту Иванну. Семен, за тобой «тернистый путь». Вот это будет интересно всем.

- Я прошу еще десять минут, - ответил смуглый, тоже черноволосый, коротко стриженный филин в очках. Общество временно распалось на группы.

- Маргарита Иванна, дорогая, - продолжал ухаживать за ней правый сосед, - вас тут ждут невероятные вещи. Валентин Васильевич – золотой человек. Я так счастлив, что вы с нами.

Рита слушала прохладно, не понимая, почему ее замечание не было принято. Она нервничала по пути сюда, беседа с Козловым привела ее в еще большее возбуждение. Она, может быть, ждала чуда, а равнодушные она хлебала ложками и дома. Чего ради стоило тогда пробиваться сквозь очередь? Хоть бы Коля зашел поскорее.

Вместо Коли появился сам Валентин Васильевич, и не успела Маргоша сообразить, куда делся муж, как Козел уже потребовал внимания.

Бунтовщиком он не был, ни досада на ос, ни чувство собственного превосходства – отличное, кстати, слово! – ни владение пчелиными тайнами не возбуждали в нем любопытства. Не собирался он читать и записки, которые заказывал пчелам. Он догадывался, что пчелы страдают от запрета на память, и справедливо рассчитал, что, если запрет снять, наступит облегчение. Надо было только, чтобы эти истерические монологи не встречались друг с другом и не вступали в открытые противоречия. Он понадеялся на свой авторитет. Отдавая ему свои записки, пчелы не догадывались, что кроме самого процесса сочинения, нет в них никакой другой пользы. Молчание Козла они приняли за далеко идущий терапевтический замысел, доверчиво ждали развязки, а пока старались изо всех сил, прозревая, что участвуют не только в лечебной практике, но и в научной работе по открытию средства, которое спасет всех пчел разом. Они согласились бы и вовсе не дожидаться разгадки – они так много получили уже по сравнению с прочими несчастными.

Перелистав всё же несколько тетрадей, Валентин обратил внимание на пустяк, повторившийся в двух описаниях. Это было странным, как одинаковые отпечатки пальцев разных людей. Из любопытства к этой необъяснимой статистике он стал читать дальше и вскоре был вынужден встать перед дилеммой: либо в природе отказал закон биологической неповторимости, либо совпадавшие показания пчёл свидетельствовали об истине, а официальная точка зрения на некоторые основополагающие события прошлого извращала факты. Как ни заманчиво было поймать за хвост природу, он предпочел сначала рассмотреть второй вариант.

Итак, что же это – заведомая ложь или ошибка большого сознания? В лучшем случае, если вся нация больна, имело смысл выкачать из пчел как можно больше всевозможных продублированных фактов, составив нечто вроде новой энциклопедии, статью, так сказать, новым энциклопедистом и... черт побери, на самом деле – Учителем. И представителям страны во внешнем мире, который, по-видимому, ждет какого-то такого кризиса, ибо все недоразумения за международным столом проистекают из того, что скатерть мировой истории судорожно скомкана с одной стороны и потянута на себя, и лишь правила дипломатической игры не позволяют счесть всю нацию невменяемой, даже если кому-то и приходит в голову такая мысль.

Если влиятельные осы, движимые одним лишь усечением мозговой деятельности, то есть болезнью, недостатком, сумели повернуть сознание огромного множества пчел; если здоровые и обладающие твердым опытом пчелы не оказали сопротивления, то можно

ли сомневаться, что соединяя этот твердый опыт в страшной концентрации, полноценный мозг и волю психиатра, он восстановит порядок в нескольких важных головах? Понятно, что выздоравливающий от тяжелой болезни нуждается в уходе. В данном случае, поскольку речь идет о центральных фигурах государства, уход будет отягощен обязанностями высочайшего и представительного во всех областях опекуна. Ну и ничего. Вот тут ему и понадобятся эти влюбленные и преданные осята. Все же нужна будет и помощь в мелких заботах.

Но был и другой, мрачный вариант. Исторический лаконизм мог оказаться не болезнью. Допустим, какие-то высшие соображения потребовали взрастить поколение информационных сирот и перевязать фаллопиевы трубы национальной культуры. Тут вырисовывалось одно неожиданное обстоятельство. Этот странный почин могли осуществить только пчелы, которые, разумеется, пчелами тогда не считались. Но с тех пор, благодаря результатам их неутомимой деятельности – будь то освоение, уклон или другие всеобщие поветрия – успело образоваться новое поколение, с ограниченной памятью, не знающее первоначальных причин переворота и, видимо, неспособное вернуться к прежним нормам. Власть постепенно должна переходить к ним, видимо уже и переходит на низших уровнях, и когда не станет пчел, сундук истории захлопнется навсегда. Входило это в планы первопроходимцев, или они сами теперь не знали, как выпутаться из своей безумной затеи?

В последнем случае еще была какая-то надежда предложить свои услуги. В конце концов, как в свое время вводили освоение, так можно сейчас придумать какое-нибудь «топтанье» или «попячивание». Но ошибиться с ответом на этот вопрос значило просто сгинуть. Оставалась единственная возможность – выбираться из страны и открывать миру глаза.

Впервые в своей жизни взглянув на родину с чужой стороны, Козел был ошеломлен образом гигантского бронтозавра, плохо координирующего движения своих конечностей. Он поставил себя на место коллективной западной личности, и ему вдруг открылось – да ведь они все в безвыходном положении! Им просто пальцем не пошевелить. Залегло на земле непредсказуемое чудовище, подмяв двойной материк, и – нельзя трогать, даже погладить.

Судьба Валентина Козлова завязалась тугим узлом. Как бы теперь ни повернулись обстоятельства, он вынужден был сыграть роль межконтинентального класса. Так что пчелы погонялись Козлом в хвост и в гриву. Они давно вышли за пределы своих воспоминаний и обрабатывали события, знакомые им только понаслышке. Квартира его была завалена рукописями, среди которых находились трактаты о полезном влиянии культа личности на международные браки, о совместном с китайцами полете в космос с приземлением на острове Даманском, о воодружении белоснежного флага победы над албанским рейхстагом и прочие бесценные труды. Валентин неутомимо ломился сквозь эти дебри и – копил.

Затем ему показалось, что эта кустарная обработка материала не дает нужного темпа. По некоторым разделам бытия он уже получил от десяти до двадцати пунктов, но необходимый конечный объем всего труда оставался для него не совсем ясным, а простое умножение показывало, что даже при максимальном приходе – четыре пчелы в месяц – за десять лет он пропустит всего около пятисот штук. Козел уже подумывал, не увеличить ли пропускную способность, как вдруг осознал, что в этом нет нужды. Пункты постоянно прибывали, уверенность крепла, да так ли уж нужна ему эта полная энциклопедия? И как

бы в подтверждение тому у друга его, Потапа, сына новой пары, объявился дядя, который, если только Валентин не обманывался, мог заменить многие тысячи рядовых пчел.

Узнав после своей осечки в больнице (какие слова - «ос-ечка, прев-ос-ходство, в-ос-поминания» - какие емкие термины приходили теперь ему в голову!) и выговора Герцу, что имеет дело с ос-обой (опять!) пчелой – здоровой и независимой, сп-ос-обной (ах, будьте вы неладны!) принести ему ценнейший высококачественный исторический нектар, Козел понял, что может закрыть на ней всю свою бухгалтерию. Вот почему Валентин решил смотреть сквозь пальцы на его родственников, грешивших против правил. Скоро можно будет и отдохнуть. Собрать в кучу все умильные тетрадки и запалить костер, чтобы больше никому и никогда не попал в руки этот клад.

Валентин дождался полной тишины и сказал:

- Посуду – долой. Приготовьте тетради. Постарайтесь (п-ос-тарайтесь!) уложиться в ос-тавшиеся (феноменально!) полтора часа. Я дам вам один перерыв. Сегодня меня интересует год одна тысяча девятьсот семнадцатый.

Пчелы впились в бумагу, Козел отсел с Ритой в сторонку, а тихие юноши стоймя застыли там, где кого застигло невероятной трудности задание.